

чивает головой вниз. Сам-то ты в кресле, а такое чувство, что ноги завернуло за уши.

...Наши «Прогрессы» привозят не только посылки от родных, но и витамины — яблоки, апельсины, грейпфруты. Но больше всего забавляет, что шлют лук репчатый и чеснок. Это иногда хорошо в охотку. Но нам его присылают в таких количествах, что если съедать по цибуле на завтрак, в обед и на ужин, то останется еще — чтобы натираться на ночь для приятных сновидений. Американцы шутят, мол, наверно, на земле боятся, что у нас на борту могут завестись вампиры. Вот и шлют «гарликов» и «оньянов», чтоб в случае чего было чем отбиваться от упырей и вурдалаков...»

Дорвавшись до «свободы слова», читатели интересовались всем, даже запахами на станции. Максим отвечал: «Вообще на станции ничем не пахнет. Мощная система вентиляции и большое количество фильтров делают свое дело. Но в условиях невесомости обоняние сильно обостряется, и когда приходит грузовик, то это почти как ритуал. Все собираются у люка перед его открытием, чтобы вкусить воздух, пришедший с Земли. Поскольку грузовик российский, то мы с Ромкой располагаемся на первой линии и после открытия люка, раздувая ноздри, втягиваем самую пахучую, еще не разбавленную порцию земного воздуха. Я никогда не думал, что можно получать такое наслаждение от, казалось бы, обычных вещей. Кстати, космос тоже пахнет, но это уже другая история».

Зачем в космосе корабельный колокол? «Очень трогательная процедура была, когда Геннадий Падалка улетал, — рассказывает Максим Сураев. — Ну, сначала, конечно, была официальная передача смены, за день до их отлета. Все отсняли и в колокол побрили — это

означает, что на станции сменился командир».

Мы, авторы книги, тоже задали свой вопрос космонавту. Меняется ли человек после полета в космос? «Меняется однозначно, — говорит Максим Сураев. — У тебя стоит цель в жизни — осуществить космический полет. Ты к этой цели идешь, готовишься, преодолеваешь преграды. После полета становишься более спокойным, уверенным в себе».

КОСМОНАВТ, СЫН АВИАТОРА

Максим Сураев родился в семье военного летчика-штурмана Виктора Григорьевича Сураева и Варвары Васильевны Болдиновой. Дед Максима по материнской линии Василий Петрович Болдинов — солдат Великой Отечественной войны.

Внук фронтовика и сын кадрового офицера, Максим в 1990 году поступил в Качинское высшее авиационное училище летчиков имени А. Ф. Мясникова, которое окончил с отличием. Освоил самолеты Л-39 и СУ-27. Налетал более 700 часов. Совершил более 100 прыжков с парашютом. Получил квалификации «Военный летчик 3-го класса», «Инструктор парашютно-десантной подготовки» и даже такую экзотическую, как «Офицер-водолаз».

В июне 1997 года Сураев успешно завершил обучение в Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Жуковского по специальности «Исследования, испытания и применение авиационной техники и вооружения», получив диплом летчика-инженера-исследователя. В том же году в «Жуковку» приехала комиссия по отбору в отряд космонавтов.

— Предлагали пойти в космонавты всем, кто захочет, — вспоминает Сураев. — Вместе